

К. А. МЕДЕУОВА

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КУЛЬТУРНОЙ: НА МАТЕРИАЛЕ ТАДЖИКИСТАНА, УЗБЕКИСТАНА, КАЗАХСТАНА*

Институт парламентаризма НДП «Нур Отан»

Представлены материалы pilotной части исследовательского проекта «Современные национальные модели развития стран Центральной Азии». На примере Таджикистана, Узбекистана и Казахстана анализируются условия формирования национальной идеи в этих странах за 20 лет независимости в контексте общемировых модернизационных процессов. Методологической основой анализа национальной идеи является различие между культурными и модернистскими типами идентичности.

Процессы формирования национальной идеи по истечении 20 лет независимости по-прежнему являются самыми напряженными и ответственными для всех постсоветских государств. В рамках проекта «Современные национальные модели развития стран Центральной Азии» объектом исследования является не сама национальная идея как таковая, а процессы, которые легитимируют ее или иные аспекты становления, формирования национальной идеи. Таджикистан, Узбекистан и Казахстан в данном случае рассматриваются как страны, имеющие определенный опыт в формировании политической риторики модернистского типа. За почти двадцатилетний период независимости у каждого из этих государств сложился свой образ новой государственности. При уже известных экономических, политических, а в некотором отношении и военных составляющих существующие отличия могут быть дополнены еще одним аспектом, на который экспертное сообщество еще не обращало внимание. А вместе с тем это отличие на уровне категориального анализа может быть продуктивным для понимания латентных процессов культурной идентификации, переживаемой различными сообществами в этих государствах. Поэтому в основу анализа положено различие между культурными и модернистскими типами идентичности.

Модернистский тип идентичности по своей сути является политическим проектом, это всегда вопрос об идее для государства, вопрос о месте государства в мировой политической и экономической системе, вопрос об инструментах достижения главной цели – сильного государства. Культурная идентичность в данном случае будет пониматься в самом широком контексте, в самых обобщенных реляциях как идентичность, формируемая сообществами. Несмотря на некую «аморфность» такого обобщения, мы можем выделить целый пласт текстов, мифологем, идеологем, циркулирующих в обществе на разных уровнях, начиная с традиционных общинных отношений до неорелигиозных реформаций. Этот пласт формируется параллельно официальному, идеологически пролонгированному дискурсу об идентичности, и имеет разную силу и влияние в выбранных для анализа государствах.

В целом нас интересует, каким образом идентичность, идущая «снизу» от различных сообществ, влияет на идентичность, формируемую «сверху». Как политическая «воля» может работать с «хтонической» силой культуры. Очевидно, что политическая идентичность формирует рационализируемую конструкцию, в которой единицей измерения является само государство. Поэтому успешность политической модели определяется созданием условий, при которых локальные процессы самоидентификации «переплавляются» в единую общегосударственную модель. Тогда как культурная идентичность может формироваться в широком диапазоне от исторических, семиотических до социал-дарвинистских и ультра-националистских реминисценций. Нередки здесь спекуляции на темы героического прошлого, самобытности, уникальности, особого пути развития. В таких риторических практиках часто происходит оперирование аргументами иррационального порядка: волей, судьбой, духом народа, провидением и т.д. Такой тип идентичности часто описывается в формате примордиального подхода, когда идентичность страны связывают с глубоко укорененными в прошлом культурными традициями, символами, мифами, языком.

---

* Работа выполнена в рамках государственного заказа МОН РК по проведению фундаментальных научных исследований на 2009-2011 годы «Современные национальные модели развития стран Центральной Азии» (задание 6.1.4).

Это очень большой срез представлений о том, как личностная, групповая идентичность может быть коррелирована не с государством, а с более сложными конструктами, такими, как народ, нация. Один из респондентов в Душанбе, отвечая на вопрос о возможности трансформации в Таджикистане светского государства в исламское, обронил очень значимую фразу: «Мы пережили три мировые религии (имеются ввиду зороастризм, буддизм и ислам – авт.). Религии приходят и уходят, народ остается». И даже по отношению к своему государству, тому, что существует сейчас, некоторые респонденты относятся как к не самой подлинно-возможной форме государственности таджиков. Это сложный комплекс вопросов, связанных как с формальным территориальным разделением в советский период, так и с исторической памятью о государстве Саманидов. То есть вектор культурной идентификации не всегда совпадает с официальным политическим форматом.

История антропологии изобилует описанием проблем, с которыми приходилось сталкиваться колониальным государствам в поисках компромисса между примордиальным и модернистским видением идентичности. Как отмечает Кара-Мурза С. Г., «главное в примордиализме то, что он придает этническому смыслу онтологической сущности – всеобщей сущности бытия, сверхчувственной и сверхрациональной. Способом научного познания, которым пользуется примордиализм, является методологический эссенциализм (от лат. *essentia* – сущность) – метод, имеющий своей целью открытие истинной «природы вещей». В крайнем случае, приверженцы примордиализма доходят до буквального овеществления этническости, считая ее материальной субстанцией, включенной в структуру генетического аппарата человека» [1].

Особенностью настоящего времени является то, что благодаря новым средствам коммуникации, новым технологиям, создается зона активной циркуляции для таких идей. Собственно то, что хранилось в недрах народной культуры как невербализируемое национально-самобытное, вдруг стало продуктом интенсивного информационного обмена, который неизбежно инициировал большое количество публикаций на тему национальной идеи и идентичности как серьезного аналитического содержания, так и явно графоманского характера. Это создает определенное напряжение для тех политологов и аналитиков, которые работают в русле обеспечения государственной идеологии, а значит модернисткой версии идентичности, они с необходимостью должны прислушиваться к этому типу дискурса.

Политическая идентичность – это способ унификации фрагментированной культуры традиционного общества в единую национальную, «государственную» культуру, которая уже не может рассматриваться вне современного индустриального общества, поэтому здесь главным модусом является будущее время. Риторика культурной идентичности больше апеллирует к прошлому, к истории, к ценностям традиционного общества, и поэтому здесь доминирует модус прошлого.

Баланс между модернистскими и примордиальными, или политическими и культурными аспектами идентичности в разных государствах может быть разным. В данной статье мы рассматриваем, как эти соотношения работают в выбранных для анализа государствах, переживающих активную fazu нациостроительства.

Возможно, что Таджикистан – это государство, в котором баланс смещен в пользу культурной идентичности; в Узбекистане удерживается паритет между культурной и политической идеентичностью; в Казахстане политическая идентичность сильнее культурной.

В pilotной части проекта приводились интервью с представителями экспертного сообщества Таджикистана и Узбекистана (осень 2009 года), в которых затрагивался вопрос о том, каким образом формируется национальная модель социально-экономической модернизации. Обращалось внимание на то, какие факторы: внешние или внутренние оказывают большее влияние на выбор путей реализации государственной политики. Под внешними факторами имелась ввиду деятельность международных институтов, специализирующихся на составлении различного рода страновых рейтингов: глобальной конкурентоспособности (Всемирный экономический форум), легкости ведения бизнеса (Всемирный банк), индекс человеческого развития (ООН) и другие. Или же коррекция государственной политики осуществляется под влиянием аутентичных процессов самоидентификации, носителями которых являются местные сообщества.

Всего было проведено 18 встреч-интервью, по равному количеству в Душанбе и Ташкенте, респонденты представляли различные аналитические структуры, высшие учебные заведения и научные организации. Профессиональный состав респондентов: руководители и ведущие научные

сотрудники; ученые и руководители подразделений, видные общественные деятели. Ниже приводится выборка из этих интервью:

О национальной идее.

Шамолов А. Его выводы касаются того, что эффективность самого концепта «национальной идеи» напрямую зависит от наличия в ней сакральных значений. По существу с точки зрения исторической, политической и экономической достоверности тексты, являющиеся символами успешной национальной идеи, не могут быть взяты как образец рациональной и аналитической точности. Более того, в таких текстах всегда встречается много ошибок, сознательных и бессознательных спекуляций, но тем не менее эти тексты становятся символами своего времени, эпохи за счет того, что в них обыгрывается сакрализация смысла жизни.

На вопрос, необходимо ли региону Центральной Азии в своем нынешнем историческом развитии проходить аналогичную стадию иррационального постижения национальной идеи, респондент ответил утвердительно. Более того, он аргументировал, что в данных условиях в государствах Центральной Азии необходимо сознательно поддерживать сакральный статус первых руководителей страны. С целью обеспечения потенциала стабильности и веры в будущее странам Центральной Азии необходимы мистифицированные лидеры. Эксперт считает, что успешность национальной идеи напрямую зависит от сакральной составляющей. И поскольку есть не вербализируемые представления о национальной душе, о национальном характере, это следует принимать во внимание. Никакая деятельность официальной власти не может коснуться того, что живет в душе простого человека. Традиционное общество имеет свои законы, свои правила, которые никак не могут быть отражены даже в самой совершенной конституции. Невозможно через рациональные законы вычленить эту иррациональную составляющую традиционной культуры. А раз есть это иррациональное зерно национального духа, то его следует учитывать.

Жураев С. Особенность национальной идеи для Узбекистана им определяется как непосредственно вытекающая из естественных чаяний узбекского народа. Он выделил особенности формирования национальной идеи в Узбекистане:

- движение идеи от самого народа, отсюда живучесть и эффективность узбекской версии национальной идеи;
- главные акценты в национальной идеи – это спокойствие и стабильность, благосостояние;
- 70% компонентов национальной идеи Узбекистана заимствуется аналитиками из других стран, таких как, например, Россия, потому что реальный опыт модернизации Узбекистана показывает правильность этих идей;
- успешность национальной идеи Узбекистана в том, что она построена на прагматичной основе – экономика должна быть такой, чтобы народ мог зарабатывать деньги. Отсюда акцент на программах развития малого и среднего бизнеса;
- эффективность национальной идеи Узбекистана в том, что она использует потенциал духовного возрождения узбекской культуры;
- механизм продвижения национальной идеи осуществляется через семью и традиционные ценности, поэтому махалля является ключевым институтом гражданского общества в Узбекистане;
- главный принцип продвижения национальной идеи – ее эффективность достигается через механизмы сильного государства.

Шермухамедова Н. А., Сайдалиева Н. Респонденты отмечают, что вопрос о продвижении национальной идеи в сознании граждан Узбекистана находится на особом контроле государства.

Во-первых, в учебные процессы средней школы, бакалавриата, магистратуры и системы послевузовского образования вводятся специальные курсы: «Манавият ва маарифат» или «Национальная идея Узбекистана», «Национальная идея и духовное возрождение Узбекистана», «Возрождение духовных ценностей и национального самосознания», «Идея национальной независимости: основные понятия и принципы». Кроме обязательных курсов в рабочих программах по всему комплексу гуманитарных дисциплин предусмотрены отдельные часы на такие курсы, как «Национальная идея и ее социологические основы», «Мысли И. А. Каримова о морали», «Политическое учение И. А. Каримова и теоретико-практическая концепция построения демократического общества в Узбекистане».

Во-вторых, за годы независимости в Узбекистане сформировалась своя национальная методологическая школа по продвижению основных положений национальной идеи. Практически каждый новый курс, вводимый в учебный процесс, коррелирован с «Манавият ва марифат».

Например, в рабочей программе курса «Идея национальной независимости: основные понятия и принципы» цель предмета определена как «внедрение в сознание молодежи веры в национальную идею. Формирование у них чувства национальной гордости патриотизма, на основе общечеловеческих ценностей и национального наследия». В качестве задачи предмета отмечено «формирование у студентов нового мышления, идеологического иммунитета».

В республике существует система охвата всех уровней дошкольного, школьного и вузовского воспитания через приобщение к ценностям узбекской культуры. В качестве сильного аргумента респонденты обратили внимание на деятельность районных культурных центров, где дети воспитываются в традиции уважения и почитания многовековых культурных традиций как в области народного творчества, так и в области моральных ценностей.

В-третьих, официальная политика использует различные методы публичного воздействия на широкие слои населения с целью продвижения идей национальной консолидации. Так, каждый год в Узбекистане имеет свою содержательную направленность, например, 1998 – год защиты интересов человека, 1999 – год женщины, 2000 – год здорового поколения, ..., 2007 – год молодежи. Как считают респонденты, такое акцентирование общественного сознания на ключевых аспектах социальной жизни дает государству возможность проводить более эффективную политику, направленную на повышение доверия народа к правительству.

Шозимов П. Д. Эксперт рассматривает становление гражданского общества в Таджикистане после обретения независимости через следующую схему.

Первый этап – с 1991 по 1997 год. Для него характерны общинные связи, функционирующие в форме примордиальных отношений с ориентацией на локальные или региональные социокультурные корни. В этот период превалируют эмоциональные и бессознательные формы идентификации людей, а также традиционные нормы поведения. Всеобщее ощущение обретенной национальной независимости на этом этапе не было отрефлексировано и рационализировано. Поэтому социальный проект был переведен в бессознательные и эмоциональные формы протesta. Основные движущие силы – народ и культурные элиты.

Второй этап – с 1997 по 2006 год. Здесь наблюдается переход от общинной формы социальных связей к государственной. В 1997 году был подписан мирный договор между правительством Республики Таджикистан и Объединенной таджикской оппозицией, который можно считать началом государственного строительства в Таджикистане. В этот период начинают формироваться и институционализироваться государственные символы, отражающие процесс формирования политических элит. Политические элиты инициировали процесс использования различных социальных и политических конструкций и проектов, направленных на мобилизацию граждан страны в решении общенациональных задач. Национальная независимость была отрефлексирована именно элитами (которые стали на данном этапе главной движущей силой), а не народом. Если на первом этапе гражданское общество существовало в форме общины, то на втором – уже в виде продолжения государственных институтов. Это выразилось в подконтрольности государству многих гражданских неформальных сообществ, таких как махалля, мечети и т.д.

На третьем этапе – с 2006 года по настоящее время – доминируют рационализм и инструментализм. На смену культурной и политической элитам приходит технократическая. И именно теперь в Таджикистане может возникнуть устойчивая основа для формирования современного гражданского общества.

Что касается Казахстана как третьей страны в качестве объекта исследования, следует обратить внимание на тот факт, что определенная экономическая успешность Казахстана по сравнению с Таджикистаном, и отчасти по отношению к Узбекистану (хотя некоторыми аналитиками этот вопрос оспаривается), создала условия для того, чтобы в Казахстане дискурс о национальной идентичности сразу же с момента обретения независимости имел ярко выраженный модернистский характер.

Было создано большое количество программных документов, описывающих механизм вхождения Казахстана в число 50 конкурентоспособных государств, большое значение придавалось председательствованию Казахстана в 2010 году в ОБСЕ. Одним из сильных концептов

политической идентичности Казахстана являлся концепт полиглоссического, поликонфессионального государства. Таким образом, пропагандируемая государственность Казахстана не дает возможность использовать примордиальные аспекты идентичности, так как они используются в Таджикистане или Узбекистане.

Некоторые респонденты в Узбекистане оценивают ситуацию в Казахстане как «ускользающую». Обращая внимание на такое понятие как «качество менталитета» [2], они считают, что Казахстан упускает важный вопрос о молодом поколении и рекомендуют брать пример с Узбекистана, «где, начиная с традиционных институтов, таких как махалля, далее с дошкольного и школьного образования вопросы нравственного воспитания стоят на первом месте. В принципе ситуации экзистенциального выбора для наших студентов не существует – они точно знают, что есть правильное в поведении, политике, морали, религии».

Еще одна точка зрения на ситуацию в Казахстане была выражена следующим образом. «Все, что касается независимости и особенностей национальной идеи, тут каждое государство должно работать самостоятельно. Никакое международное влияние, никакой чужой опыт не сможет дать ощущение подлинности национальной идеи».

Таким образом, мы видим, что исходя из собственного опыта реализации идей национальной идентичности, респонденты из Узбекистана оценивают ситуацию в Казахстане как возможно более проигрышную, чем их, а респонденты из Таджикистана, наоборот, высоко оценивают модернистский потенциал казахстанского опыта политической идентификации.

Некоторые аспекты и своеобразную поляризацию общества по вопросу о национальной идеентичности выявила парадоксальная ситуация, которая возникла осенью 2009 года при обсуждении в Ассамблее народа Казахстана «Доктрины национального единства Казахстана». Именно обсуждение этого документа продемонстрировало экспертному сообществу, что ситуация с вопросами национальной, политической и культурной идентичностью уже не столь однозначна. Общественные дебаты развернулись вокруг формулы самоидентификации нации как казахской либо казахстанской.

Опуская подробности этой дискуссии, мы возвращаемся к нашей гипотезе о том, что в Казахстане все годы независимости преобладала модернизационная модель идентичности. Однако развитие различных аспектов культурной идентификации в рамках популярных в народе примордиальных идей продолжало осуществляться все эти годы и достигло определенного уровня зрелости. Ситуация со спорами вокруг проекта доктрины национального единства – показатель того, что прежний баланс между культурной и политической идентичностью в Казахстане может измениться. Это означает, что доминанта экономического успеха, предлагаемая в том числе и международными организациями в рамках национальной идеи является недостаточной для того, чтобы поддерживать дальнейший модернизационный курс развития страны. Сама же изначальная гипотеза о балансах между политическими и культурными (модернизационными и примордиальными) аспектами идентичности требует своего дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Кара-Мурза С. Г. Концепции этничности: примордialism // <http://www.contrtv.ru/print/1991/>
- 2 Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / Под ред. А. Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992.

REFERENCES

1. Kara-Murza S. G. Konceptsii etnichnosti: primordialism. <http://www.contrtv.ru/print/1991/> (in Russ.)
2. Sorokin P. Chelovek, tsivilizatsiya, obshestvo. Pod red. Sogomonova A.U. M.: Politizdat, 1992 (in Russ.)

K. A. Медеуова

МӘДЕНИЕТ АРАЛЫҚ ӘСЕР АРҚЫЛЫ ҚАРАҒАНДАҒЫ САЯСИ БИРЕГЕЙЛІК ТУРАЛЫ: ТӘЖІКСТАН, ӨЗБЕКСТАН, ҚАЗАҚСТАН МАТЕРИАЛЫНДА

Макалада «Орта Азия елдерінің бүтінгі ұлттық даму модельдері» атты зерттеу жобасының пилоттық материалдары ұсынылады. Бұкіләлемдік жаңару үдерістерінің аясында Тәжікстанның,

Өзбекстанның және Қазақстанның 20 жылғы тәуелсіздік тарихы негізінде ұлттық идеяны қалыптастыру жағдайлары қарастырылады. Ұлттық идеяны талдау мәдени және модернистік бірегейлік типтерінің арасындағы айырмашылығын растайтын әдістемелік жорамалға негізделеді.

K. A. Medeuova

**ABOUT POLITICAL IDENTITY THROUGH THE PRISM OF CULTURE:
ON TAJIKISTAN, UZBEKISTAN AND KAZAKHSTAN'S MATERIALS**

Parliamentarism institute

In the article it is presented a pilot part of the research project materials under the title, "Contemporary National Development Models of Central Asia Countries". On the example of Tajikistan, Uzbekistan and Kazakhstan it is analyzed conditions of forming national ideas in these countries within the context of world modernization processes during 20 years of Independence. The analysis of national idea is based on the methodological hypothesis of difference between cultural and modernistic types of identity.